

Къ вопросу о введеніи въ гимназіяхъ пропедевтическаго курса философіи.

По поводѣ замѣтки г. А. Гилярова „Философская пропедевтика въ гимназіяхъ“ („Кіевлянинъ“, 1904 г., № 331).

Вопросъ о введеніи въ гимназіяхъ пропедевтическаго курса философіи, поставленный на очередь Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, требуетъ серьезнаго и всесторонняго обсужденія. Дѣло это у насъ настолько новое, что приходится думать не только надъ тѣмъ, *что* преподавать изъ области философіи въ средней школѣ, но и о томъ, *кому* именно поручить самое преподаваніе, потому что наши университеты, гдѣ философія преподается на историко-филологическомъ факультетѣ и лишь отчасти на юридическомъ (философія права, исторія философіи права), выпускаютъ слишкомъ мало лицъ съ спеціально-философскимъ образованіемъ. Оказывается, такимъ образомъ, что вопросъ о введеніи философіи въ курсы гимназическаго преподаванія не изъ такихъ, которые можно рѣшать сплеча, а потому нельзя не привѣтствовать каждую попытку, направленную къ освѣщенію этого практически важнаго дѣла.

Въ 331 № „Кіевлянина“ за 1904 г. появилась коротенькая замѣтка профессора философіи въ Кіевскомъ университетѣ А. Н. Гилярова, посвященная вопросу о преподаваніи философской пропедевтики въ гимназіяхъ. Своимъ рѣзкимъ то-

номъ, рѣшительными приговорами, яркими фактическими иллюстраціями, замѣтка, подписанная къ тому же именемъ, не безызвѣстнымъ въ кругахъ, заинтересованныхъ судьбами философіи въ Россіи, не могла не произвести впечатлѣнія на читателей, склонныхъ поддаваться скорѣ силѣ первоначальнаго впечатлѣнія, нежели силѣ ясно сознанныхъ и критически проверенныхъ доводовъ. Однако здѣсь гипнозу не мѣсто: рѣшеніе вопроса надо предоставить не возбужденнымъ первамъ, а ясному сознанию, дающему отчетъ въ своихъ переживаніяхъ. Критически проверенные факты и строгая логика—вотъ что нужно для уясненія дѣла. Пользуясь этими испытанными средствами, постараемся разобраться въ содержаніи замѣтки г. Гилярова.

Разумѣется, профессоръ философіи Гиляровъ ни на минуту не сомнѣвается въ общеобразовательномъ значеніи курса философской пропедевтики: „изъ всѣхъ общеобразовательныхъ курсовъ онъ былъ бы наиболѣе общеобразовательнымъ и при надлежащей постановкѣ расширилъ бы умственный кругозоръ учащихся и поднялъ (бы) ихъ умственный уровень; но у насъ, въ Россіи, при современныхъ условіяхъ,—полагаетъ профессоръ,—такая постановка невозможна“, а потому если бы мы и ввели въ своихъ гимназіяхъ преподаваніе философіи, то оно повело бы „только къ вящему лицемѣрію и помраченію“: „пожалуй, пришлось бы подъ именемъ философіи питать учениковъ какими-нибудь умственными отбросами непригодныхъ учителей, какой-либо пустомысленной падалью“. При такихъ условіяхъ лучше совсѣмъ не начинать дѣло философской пропедевтики: лучше никакой пищи, чѣмъ „пустомысленная падаля“, преподносимая „непригодными учителями“. Таковъ тезисъ, защищаемый г. Гиляровымъ.

Что же это за условія, препятствующія введенію философской пропедевтики въ курсъ гимназическаго образованія? Это, во-первыхъ, отсутствіе въ нашей средней школѣ

свободы преподаванія, въ особенности необходимой для преподаванія философіи, потому что „въ философіи нѣтъ ничего установленнаго и законченнаго, она всецѣло плодъ личнаго міропониманія, основаннаго на свободной критикѣ всей вообще дѣйствительности и на столь же свободномъ творчествѣ, и не ставитъ себѣ никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ исканія истины“; во-вторыхъ — недостатокъ правоспособныхъ преподавателей философіи среди лицъ, получившихъ университетское образованіе. Министерство народнаго просвѣщенія, въ виду отмѣченнаго недостатка, проектируетъ поручать преподаваніе философской пропедевтики въ гимназіяхъ „лицамъ, успѣшно окончившихъ курсъ въ православныхъ духовныхъ академіяхъ“, но проф. Гилярову такого рода преподаватели представляются крайне нежелательными. Къ сожалѣнію, желчное настроеніе помѣшало г-ну Гилярову отчетливо изложить тѣ основанія, на которыхъ онъ опирается въ своемъ взглядѣ на академистовъ. Насколько можно проникнуть въ смыслъ его выраженій, чрезъ мѣру одобренныхъ не столько мѣткой, сколько туманной ироніей, онъ ужасно боится того, какъ бы преподаватели философіи изъ академистовъ не пошли въ своемъ преподаваніи „стезею духа“, а „духовная“ философія, — по словамъ автора, — хотя и очень почтенная, однако совсѣмъ не та, что свѣтская. Впрочемъ, при всей своей почтенности, она — черезъ своихъ адентовъ — способна напитать учащихся „умственными отбросами“ да „пустомысленной падалью“. Нечего сказать, почтенная философія!!...

Обсужденіе аргументовъ проф. Гилярова, направленныхъ противъ мысли о введеніи преподаванія философіи въ гимназическій курсъ, значительно бы упростилось, если бы авторъ точно опредѣлилъ, что именно онъ разумѣетъ подъ философской пропедевтикой, какъ это сдѣлалъ профессоръ Челпановъ въ своемъ докладѣ „о преподаваніи философской пропедевтики въ средне-учебныхъ заведеніяхъ“, прочитан-

номъ 18-го ноября 1904 г. въ Кіевскомъ Обществѣ классической филологіи (съ содержаніемъ этого доклада знакомилъ г. Величковскій въ № 12 „Юго-Западной Недѣли“ за 1904 г.). Къ сожалѣнію, въ замѣткѣ проф. Гилярова нѣтъ рѣчи о содержаніи и объемѣ философской пропедевтики, какъ учебнаго предмета. Между тѣмъ такая рѣчь была бы далеко не лишнею при обсужденіи затронутого профессоромъ вопроса: тогда выяснилось бы, что у насъ рѣчь не о внушеніи учащимся опредѣленнаго міросозерцанія, а лишь о подготовкѣ ихъ къ работѣ надъ философскими вопросами, которые порою даютъ о себѣ знать очень внушительно. Едва ли нужно много говорить о томъ, что міросозерцаніе не дается со стороны въ готовомъ видѣ, а вырабатывается (конечно, *болѣе или менѣе* самостоятельно) собственными усиліями извѣстнаго лица, такъ что преподаваніе философіи—и это не только гимназическое, но и университетское—имѣетъ своею главною задачею возбуждать и дисциплинировать философскую мысль, указывая ей тѣ пути, по которымъ она можетъ направляться, и тѣ приемы, которыми она можетъ пользоваться. Въ особенности это нужно сказать о гимназическомъ преподаваніи: вѣдь это первые шаги въ занятіи философіей. Едва ли можно серьезно говорить о томъ, что они приведутъ шестнадцатилѣтняго юношу къ опредѣленному и законченному міропониманію. Достаточно того, если на этой ступени учащіяся уразумѣютъ смыслъ и значеніе философскихъ *проблемъ*, какъ проблемъ содержательныхъ и жизненныхъ, познакомятся съ главнѣйшими *направленіями* въ рѣшеніи этихъ проблемъ, освоятся съ философскою *терминологіей* и съ основными *приемами* философскаго мышленія. Тогда для нихъ будетъ гораздо производительнѣе и университетское преподаваніе философіи, и самостоятельное ознакомленіе съ произведеніями философской литературы. Тогда они не будутъ въ этомъ дѣлѣ такими безпомощными, какъ нерѣдко это случается теперь. Указанной цѣли

должны служить *логика* и систематическій обзоръ главнѣйшихъ направлений въ рѣшеніи основныхъ философскихъ проблемъ (на Западѣ въ настоящее время такой обзоръ дается обыкновенно въ т. наз. „введеніи въ философію“,—терминъ, впрочемъ, крайне неопредѣленный: Паульсенъ въ своемъ „Введеніи въ философію“ даетъ цѣлую философскую систему, Вундтъ больше всего отнодитъ мѣста историческому обзору философскихъ направлений, „Введение“ Кюльпе ближе всего подходитъ къ проектируемому нами „обзору“). А такъ какъ уразумѣніе философскихъ понятій и логическихъ приѣмовъ совершенно невозможно безъ предварительнаго ознакомленія съ жизнью сознанія, то къ указаннымъ дисциплинамъ необходимо еще присоединить *психологію*. Такимъ образомъ, въ вопросѣ о составѣ курса философской пропедевтики мы примыкаемъ ко взгляду профессора Челпанова. На основаніи собственнаго четырехлѣтняго опыта преподаванія философскихъ наукъ въ духовной семинаріи прибавимъ, что для боѣе или менѣе успѣшнаго усвоенія намѣченнаго курса потребуется не меньше 5 уроковъ въ недѣлю. При тѣхъ скромныхъ задачахъ, которыя мы ставимъ преподаванію философской пропедевтики, едва ли можно опасаться, что оно разовьетъ въ учащихся верхоглядство: преподавателю философіи достаточно не быть полнымъ невеждой въ этой области, чтобы внушить учащимся ту мысль, что изученіемъ философской пропедевтики они лишь готовятъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ, что большая и главная часть работы впереди. Разъ ученикъ оставитъ школу съ этимъ сознаніемъ—онъ на хорошемъ пути. Правда, онъ еще не мудрецъ, пот. что у него нѣтъ опредѣленнаго міросозерцанія, но онъ и не невежда, не верхоглядъ, пот. что онъ сознаетъ незаконченность своего философскаго образованія, пот. что онъ *стремится* къ работѣ надъ философскими вопросами: это—юный любитель мудрости, юный „философъ“, который долженъ быть особенно добрѣ искреннимъ

друзьямъ философіи (ср. *Платона* „Пиръ“ 203 Е слд.). Побольше бы такихъ юношей!... Если такому юношѣ удастся продолжить свои занятія философіей въ высшей школѣ, то, ко взаимному удовольствію профессора и студента и къ явной пользѣ для дѣла, имъ не придется тратить дорогого времени на ознакомленіе съ элементами логики и психологіи да на уясненіе философской терминологіи: все это уже сдѣлано въ средней школѣ... Иное дѣло, если задачей преподаванія философіи въ средней школѣ поставить окончательную выработку опредѣленнаго философскаго міросозерцанія: тогда, пожалуй, можно опасаться и верхоглядства, потому что о самостоятельномъ міросозерцаніи семнадцатилѣтняго юноши можно говорить лишь иронически (не всѣ же въѣдъ мы Шеллинга, однако и сочиненіе геніальнаго юноши Шеллинга о мифахъ было лишь первой ступенью его философскаго развитія), а *jurare in verba magistri*, уже выработавшаго себѣ опредѣленное міропониманіе,—въ этомъ толку мало...

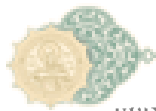
Если мы будемъ трактовать о философской пропедевтикѣ въ томъ объемѣ и смыслѣ, какіе указаны выше, тогда, можетъ быть, найдемъ въ ея составѣ и кое-что прочно установленное: таково, напр., содержаніе формальной логики, таковы многія обобщенія эмпирической психологіи, таковъ формальный смыслъ главнѣйшихъ философскихъ понятій, да и при систематическомъ обзорѣ основныхъ философскихъ направленій необходимо держаться исторической почвы, а эта почва не зыбкая. Конечно, совершенно избѣгать въ преподаваніи философской пропедевтики проведенія черезъ всѣ ея части опредѣленнаго и, слѣд., спорнаго философскаго направленія для учителя, въ философскомъ отношеніи установившагося, невозможно, мало того: неопредѣленность и безцвѣтность въ преподаваніи философіи рѣшительно нежелательны по самому существу дѣла, потому что при отсутствіи руководящей

точки зрѣнія курсъ не имѣлъ бы органическаго единства (въ этомъ пунктѣ нельзя не согласиться съ проф. Гиляровымъ). Вѣрно и то, что при отсутствіи у насъ полной свободы преподаванія нѣкоторымъ лицамъ не пришлось бы брать на себя преподаванія философіи въ гимназіяхъ (такъ въ свое время Спиноза не нашелъ для себя возможнымъ занять философскую кафедру въ Гейдельбергскомъ университетѣ). и все-таки мы не находимъ возможнымъ присоединиться къ мнѣнію проф. Гилярова о преждевременности введенія философской преподавки въ гимназическій курсъ.

Вопросъ о свободѣ преподаванія въ средней школѣ— вопросъ въ высшей степени сложный и трудный, и мы въ настоящій разъ не находимъ возможнымъ входить въ его обсужденіе,—тѣмъ болѣе, что и рѣчь-то у насъ идетъ о возможности преподаванія философіи въ гимназіяхъ *при существующихъ условіяхъ. Отнюдь не идеализируя этихъ условій*, мы тѣмъ не менѣе, вопреки профессору Гилярову, полагаемъ, что и при существующихъ условіяхъ возможно преподаваніе философской преподавки въ гимназіяхъ. Дѣло въ томъ, что вѣдь свобода научнаго *изслѣдованія* необходима не только для философа, но и для историка, и для естествоиспытателя, а потому и условія, органичивающія свободу *преподаванія* (подчеркиваемъ: преподаванія, а не изслѣдованія), одинаково стѣснительны какъ для преподавателя философіи, такъ и для преподавателей другихъ предметовъ, за исключеніемъ развѣ чистой математики (въ силу ея чисто формальнаго характера). Я готовъ даже сказать, что преподаватель исторіи находится въ отношеніи къ свободѣ преподаванія въ худшихъ условіяхъ, нежели пока еще проблематическій преподаватель философіи: если относительно послѣдняго можно опасаться, что онъ будетъ „подрывать основы“ религіи, то историка можно заподозрить въ томъ, что онъ-де подрываетъ основы политическаго строя. А вѣдь это еще вопросъ, что у насъ строже охраняется—

основы религіи или основы государственнаго порядка. Говорю это къ тому, что если, какъ думаетъ профессоръ Гиляровъ, вводить въ гимназіи философскую пропедевтику при существующихъ условіяхъ несвоевременно, то, разсуждая послѣдовательно, было бы, при существующихъ условіяхъ, вполне благовременно исключить изъ курса гимназій всё тѣ науки, въ преподаваніи которыхъ при существующихъ условіяхъ не можетъ быть полной свободы, т. е. естествознаніе, исторію, литературу. Придется, пожалуй, распрощаться и съ баснями Крылова: вѣдь въ нихъ „насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами! Кто что ни говори, хоть и животныя, а все-таки цари“. Но вѣдь это будетъ на руку лишь современнымъ Фамусовымъ... Если же проф. Гиляровъ не рѣшится изгнать изъ современной средней школы исторію, то онъ долженъ допустить туда и философскую пропедевтику: разъ преподаваніе исторіи при существующихъ условіяхъ не оказывается безплоднымъ, то философская пропедевтика несомнѣнно будетъ не разлагающимъ, а освѣжающимъ ферментомъ школьнаго преподаванія. Пусть преподаваніе философіи будетъ происходить въ строго опредѣленномъ направленіи (что, впрочемъ, не только не исключается, но и прямо требуется замѣткой проф. Гилярова, которому претитъ, слѣдовательно, не самая опредѣленность направленія, а нѣчто другое): и тогда, по требованію философскаго метода, преподаватель будетъ излагать предъ учениками не выводы только, но и доводы, давая тѣмъ самымъ возможность сопоставить выводы съ доводами. Значитъ, сообщая какой-либо выводъ,—допустимъ, неправильный,—преподаватель дастъ въ то же время въ руки ученикамъ единственно надежное орудіе для борьбы съ подобнаго рода выводами (это—философская критика), а главное—волей-неволей создастъ въ учащихся такое настроеніе, которое не мирится со всякаго рода догматизмомъ. Въ виду сказаннаго опасенія проф. Гилярова за то, какъ бы преподаваніе въ гимназіяхъ—при существую-

щихъ условіяхъ—философской пропедевтики не оказало деморализующаго вліянія, представляются намъ крайне преувеличенными. Въ духовныхъ семинаріяхъ на ряду съ психологіей, логикой и исторіей философіи преподаются начальныя основанія философіи,—разумѣется, въ опредѣленномъ направленіи, и тѣмъ не менѣе ни одна наука не дѣйствуетъ на юный умъ семинариста въ такой степени не только освѣжающимъ, но и освобождающимъ образомъ, какъ философія: она приучаетъ его давать отчетъ въ томъ, что мы готовы принимать на вѣру, взвѣшивать основанія сообщаемыхъ положеній и т. д. Иныхъ результатовъ преподаваніе философіи и не можетъ дать, лишь бы только оно находилось въ рукахъ не только знающаго, но разумнаго и честнаго преподавателя.

Лишь бы только! Но въ томъ-то, говорятъ, и вопросъ, гдѣ взять знающихъ преподавателей философской пропедевтики.

Рѣшительно недоумѣваемъ, почему университетскіе профессора (имѣемъ въ виду, помимо г. Гилярова, Г. И. Челпанова, Ю. А. Кулаковскаго) такъ дружно возстаютъ противъ допущенія академистовъ къ преподаванію философіи въ гимназіяхъ. Въдѣ въ то время, какъ „свѣтская“ философія у насъ только-что зараждается, академическая философія имѣетъ за собой давнес и—притомъ—почтенное прошлое. Кто знакомъ съ исторіей духовной школы, тотъ знаетъ, что философіи всегда отводилось видное мѣсто въ системѣ академическаго образованія, и если философія тамъ преподавалась (и преподается) въ опредѣленномъ направленіи, то что можно возразить противъ этого съ точки зрѣнія профессора, допускающаго преподаваніе философіи лишь въ духѣ опредѣленнаго міропониманія? Можетъ быть, профессору Гилярову не по душѣ то направленіе, какого держится духовная философія? По крайней мѣрѣ, онъ, высмѣивая эту, по его словамъ, „почтенную“ философію, ставитъ на видъ то, что оно идетъ „стезю духа“. Это—вѣрно, но что же тутъ до-

стойнаго осмѣянія?! развѣ „стеязь духа“ такъ чужда философіи?! Спиритуалистическое направленіе проходитъ черезъ всю исторію философіи, побѣдоносно выдерживая борьбу съ матеріализмомъ, теперь, кажется, уже „потерявшимъ свой кредитъ“,—что же зазорнаго въ томъ, что „духовная философія“ идетъ „стеязею духа“? неужели такъ постыдно итти рука объ руку съ Кантомъ или Лотце? Или, можетъ быть, итти по стопамъ великихъ спиритуалистовъ прошлыхъ временъ—это такая привиллегія, которую проф. Гиляровъ, вопреки исповѣдуемому имъ принципу свободы философскаго изслѣдованія, не находитъ возможнымъ предоставить академистамъ? но почему же? по какому праву? Можетъ быть, наконецъ, дѣло не въ томъ, что академическіе философы держатся *опредѣленнаго*, именно спиритуалистическаго, направленія въ философіи, а въ томъ, что они держатся его *неискренне, лицемерно*? Такое предположеніе было бы самымъ тяжкимъ обвиненіемъ, какое только можно предъявить другому человѣку (я, по крайней мѣрѣ, не представляю себѣ болѣе тяжкаго обвиненія, какъ обвиненіе въ лицемѣріи). Однако, чѣмъ тяжелѣе обвиненіе, тѣмъ осмотрительнѣе нужно быть въ его предъявленіи: вѣдь у академистовъ не желѣзные нервы, вѣдь имъ тоже больно, когда начинаютъ поливать ѣдкой жидкостью по наболѣвшему мѣсту. Да, господинъ Гиляровъ, по наболѣвшему, потому что едва ли кто претерпѣлъ столько хлестанья и оплеванья со стороны нашего общества, сколько ихъ выпало на долю лицъ, такъ или иначе причастныхъ къ „духовной“ средѣ. Есть ли у васъ достаточныя основанія для того, чтобы наносить этимъ лицамъ новые удары? Вѣдь для того, чтобы обвинить человѣка въ лицемѣріи, надо проникнуть въ душу этого человѣка, надо быть сердцеѣдцемъ,—рѣшитесь ли утверждать, что сокровенные мотивы человѣческихъ дѣйствій такъ же вамъ извѣстны, какъ философія Локка или Юма? „У каждой души есть свой міръ; для каждой души другая душа—міръ по

ту сторону“ (Ницше). Конечно, бываютъ такіе случаи, когда сокровенные мотивы съ достаточною ясностью выступаютъ наружу, и тогда мы получаемъ возможность и даже право судить объ нихъ, но такъ ли это въ данномъ случаѣ? Какъ бы то ни было, бросать цѣлой общественной средѣ огульное обвиненіе въ лицемеріи—это, по меньшей мѣрѣ, не... деликатно... Впрочемъ, „кто несправедливо поступаетъ, тотъ несчастіе того, кто испытываетъ несправедливость“. Такъ училъ еще Демокритъ...

Профессоръ Челпановъ, не склонный затемнять смыслъ своихъ словъ туманной ироніей и грубой издѣвкой, высказывается противъ допущенія академистовъ къ преподаванію философіи въ гимназіяхъ на томъ основаніи, что академики съ естествознаніемъ и экспериментальной психологіей совсѣмъ не знакомы, а философію изучаютъ лишь въ качествѣ служанки богословія. Но это не совсѣмъ такъ. Что касается естествознанія, то оно въ духовныхъ академіяхъ дѣйствительно не изучается, и это очень жаль, но вѣдь оно не изучается и въ университетахъ на историко-филологическихъ факультетахъ,—значить, въ этомъ отношеніи окончившій историко-филологическій факультетъ не преимуществуетъ предъ окончившимъ духовную академію. Нѣтъ при духовныхъ академіяхъ и *спеціальныхъ* институтовъ для изученія экспериментальной психологіи, хотя вопросъ объ учрежденіи такого института уже поднимался въ петербургской духовной академіи; но всѣ ли русскіе университеты идутъ въ этомъ отношеніи впереди академій? Впрочемъ, значеніе экспериментальной психологіи академическими психологами не отрицается и выводы ея отнюдь не игнорируются. Въ доказательство этого достаточно назвать работы профессора Спб. академіи В. С. Серебренникова (напр., о памяти,—помѣщена въ „Христіанскомъ Читеніи“) и доцента Московской—П. П. Соколова („Факты и теоріи цвѣтного слуха“ въ кн. XXXVII—XXXVIII „Вопросовъ философіи“). Оба профессора въ свое время рабо-

тали въ лабораторіи Вундта. Слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить, что экспериментъ, даже съ точки зрѣнія Вундта, является лишь вспомогательнымъ средствомъ при изученіи психическихъ явленій, и въ гимназическомъ преподаваніи онъ едва ли займетъ видное мѣсто. Наконецъ, что касается постановки собственно философіи въ духовныхъ академіяхъ, то нужно замѣтить, что философія давно уже обратилась здѣсь изъ служанки въ друга христіанскаго богословія, и это не мудрено: вѣдь новая западно-европейская философія выросла все-таки въ христіанской атмосферѣ. Конечно, въ академическомъ преподаваніи нѣтъ мѣста *оправданію* такихъ философскихъ направленій, которыя носятъ атеистическій или противохристіанскій характеръ, но *изученіе* такихъ направленій не только не исключается, но прямо предполагается какъ задачами академическаго образованія, такъ и личною особою кафедры исторіи философіи. О какихъ-либо стѣсненіяхъ и ограниченіяхъ въ преподаваніи этой науки, по самому существу дѣла, не можетъ быть рѣчи, но и профессору систематической философіи, обязанному считаться съ принципами христіанскаго міросозерпанія, за всѣмъ тѣмъ остается много свободы: христіанство вѣдь не опредѣляетъ, какого направленія нужно держаться въ гносеологіи — эмпирическаго или раціоналистическаго, предоставляя разработку гносеологическихъ проблемъ свободной мысли человека, и мы находимъ среди академическихъ профессоровъ и раціоналистовъ (въ гносеологіи), и эмпириковъ. Разумѣется, кто примыкаетъ въ своихъ воззрѣніяхъ къ Фейербаху или Ницше, тому не приходится садиться на кафедру систематической философіи въ духовной академіи. Но вѣдь насильно на академическую кафедру, какъ и на университетскую, никого не тащатъ... Вѣрно то, что академическіе философы отводятъ почтенное мѣсто той отрасли систематической философіи, которая извѣстная подъ названіемъ „философіи религіи“, но это обстоятельство само

по себѣ вовсе не говоритъ о томъ, что философія является въ академіяхъ служанкой богословія. Еще Гегель высказалъ ту мысль, что философія подобна той записи, которую мы дѣлаемъ въ дневникѣ по окончаніи дня: философія—это отчетъ въ томъ содержаніи, которымъ мы живемъ, и если химикъ Оствальдъ, послѣ специальныхъ занятій химіей, обращается къ построенію философіи природы, а физикъ Махъ завершаетъ свои естественно-научные труды изслѣдованіемъ философскаго вопроса объ отношеніи между физическимъ и психическимъ, то что же удивительнаго въ томъ, что академическій философъ, выросшій въ атмосферѣ религіозныхъ воздѣйствій, сосредоточиваетъ свои изслѣдованія на философіи религіи? Стремленіе дать отчетъ въ содержаніи той вѣры, которая завѣщана отцами, во все времена служило могучимъ стимуломъ философствованія, и не оно было причиною того, что философія сдѣлалась въ средніе вѣка служанкой богословія: само по себѣ это стремленіе освободительное... Если бы философія цѣнилась въ академіяхъ лишь въ качествѣ служанки богословія, тогда можно было бы имъ ограничиться одной кафедрой философскаго характера: имѣемъ въ виду кафедру христіанской апологетики, тогда какъ на дѣлѣ тамъ существуютъ три специально-философскихъ кафедры: 1) психологіи, 2) исторіи философіи, 3) логики и метафизики. Кромѣ того, тамъ есть кафедра педагогики, которая издавна дружитъ съ философіей. Правда, духовныя академіи не раздѣляютъ съ университетами права давать ученые степени доктора или магистра философіи (проф. Кулаковскій особенно подчеркиваетъ это обстоятельство въ своихъ статьяхъ о „проектѣ новаго устава гимназій“, печатавшихся въ декабрьскихъ №№ „Кіевлянина“ за 1904 г., какъ будто въ университетахъ философскія диссертациі представляютъ заурядное явленіе!), но, не говоря уже о томъ, что среди академическихъ диссертациі на богословскую степень не мало такихъ, которыя богаты философскимъ элементомъ

Труды Кіевск. Дух. Акад. Т. I. 1903 г.

томъ (нѣкоторые изъ нихъ встрѣтили высокую оцѣнку и со стороны университетскихъ профессоровъ), замѣтимъ, что было бы печальнымъ явленіемъ, если бы научно-литературная продуктивность занимающихся философіей лицъ исчерпывалась составленіемъ и представленіемъ официальныхъ диссертаций. Академіи не имѣютъ основанія жаловаться на такое явленіе,—явный знакъ, что философія тамъ и не въ загонѣ, и не въ забросѣ.

Въ заключеніе скажемъ, что когда идетъ рѣчь о правоспособности академическихъ воспитанниковъ въ качествѣ преподавателей философій, то не слѣдовало бы пренебрегать уроками исторіи. Дѣло въ томъ, что въ свое время питомцы академій много послужили дѣлу философскаго преподаванія въ университетахъ, и если послѣ 48 го года преподаваніе здѣсь философій далеко не вездѣ оказалось въ надежныхъ рукахъ, то въ этомъ надо винить не духовныя академіи и не академическую философію, а общія условія того времени. Когда, уже при Александрѣ II, началось возрожденіе преподаванія философій въ университетахъ, то къ этому дѣлу были привлечены питомцы духовныхъ академій, и неужели г. Гиляровъ рѣшится утверждать, что они питали своихъ учениковъ „умственными отбросами“ или „бессмысленною падалью“?! Неужели на профессора Гилярова вѣяло падалью со страницъ такой книги, какъ „Введеніе въ науку философій“ протоіерея Сидонскаго, съ 1864 года преподававшего философію въ С.-Петербургскомъ университетѣ? Неужели представляли „пустомысленную пададь“ лекціи по философій протоіерея Янышева, читанныя въ С.-Петербургскомъ университетѣ, для слушанія которыхъ собирался чуть не весь университетъ? Кіевская академія дала Московскому университету двухъ профессоровъ философій: метафизика Юркевича и строгаго эмпирика Троицкаго. Такія лица, какъ покойный Влад. С. Соловьевъ и здравствующій Вл. Н. Ивановскій, засвидѣтельство-

вали о заслугахъ Юркевича и Троицкаго въ преподаваніи философіи. Впрочемъ, зачѣмъ г. Гилярову стороннее свидѣтельство, когда онъ самъ ученикъ проф. Троицкаго? Его же учениками были А. И. Смирновъ († проф. Казанскаго университета) и Ѳ. А. Зеленогорскій (проф. Харьковскаго университета). Н. Я. Гротъ, Александръ Ив. Введенскій (проф. Петербургскаго университета), Н. Н. Ланге (проф. Одесскаго университета) — ученики Владиславлева, питомца Петербургской дух. академіи. Къ Юркевичу примыкаютъ Влад. С. Соловьевъ, а черезъ него Л. М. Лопатинъ, начавшій свою научно-литературную дѣятельность, какъ и Влад. Соловьевъ, на страницахъ „Православнаго Обозрѣнія“, и кн. С. Н. Трубецкой. И Кіевскій университетъ, полагаемъ, не забылъ профессора Гогоцкаго, долгое время занимавшаго въ немъ кафедрѣ философіи и оставившаго весьма замѣтные слѣды своей ученой работы. Послѣ этихъ справокъ, заимствованныхъ главнымъ образомъ изъ статьи В. Н. Ивановскаго о М. М. Троицкомъ („Вопр. философіи“, кн. 47), какъ-то неловко издѣваться надъ „духовной“ философіей, а утверждать, что питомцы духовныхъ академій не правоспособны къ преподаванію философской пропедевтики въ гимназіяхъ, какъ будто и рискованно: исторія говоритъ за академистовъ, и мы думаемъ, Министерство народнаго просвѣщенія не ошибется, поручивши имъ это дѣло, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока университеты не будутъ выпускать достаточное количество философски образованныхъ лицъ, *чего мы имъ отъ души желаемъ*. Конечно, нельзя утверждать, что каждый академистъ можетъ съ *успѣхомъ* преподавать философскую пропедевтику: для этого, кромѣ философскаго образованія, кромѣ общепедагогическаго такта и опыта, требуется еще склонность къ философскому мышленію; но вѣдь и не всѣ филологи, прошедшіе полный университетскій курсъ, съ *успѣхомъ* преподають древніе языки или даже нашъ родной языкъ.

Итакъ, мы приходимъ къ тому выводу, что и при существующихъ условіяхъ философская пропедевтика можетъ быть введена въ курсъ гимназическаго преподаванія, а такъ какъ желательность такого расширенія гимназическаго курса внѣ всякаго сомнѣнія, то и не слѣдуетъ откладывать этого дѣла въ долгій ящикъ, ссылаясь на „существующія условія“. Сознаніе ненормальности существующихъ условій учебно-воспитательнаго дѣла должно побуждать всѣхъ друзей подростающаго поколѣнія къ дружной и энергичной работѣ надъ измѣненіемъ этихъ условій, но никакъ не тормозить хотя бы частичныхъ улучшеній учебно-воспитательнаго дѣла: вѣдь всѣ недостатки и пробѣлы въ этомъ дѣлѣ *теперь* же отзываются на *живыхъ* людяхъ.

П. Кудрявцевъ.